

УДК 94 (47) 081

Н. А. МИЛЮТИН В ВОСПОМИНАНИЯХ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ЕГО ЖЕНЫ, М. А. МИЛЮТИНОЙ

Е. Н. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

В статье анализируются «Записки» М. А. Милютиной и ее переписка с И. С. Тургеневым, опубликованные в «Русской старине», а также архивные документы из фонда Милютиных (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149). Исследованные материалы позволили дополнить биографию Н. А. Милютина новыми штрихами, показать закулисную борьбу в самый сложный момент деятельности реформатора (середина 1850 – начало 1860-х гг.), увидеть особенности его характера во взаимоотношениях с женой, единомышленниками, консервативной оппозицией.

Ключевые слова: Н. А. Милютин, М. А. Милютина, «Записки», эпистолярное наследие, образ реформатора, Редакционные комитеты, крепостное право, городское общественное управление.

N. A. Milyutin in Memoirs and Epistolary Heritage of His Wife M. A. Milyutina

E. N. Morozova

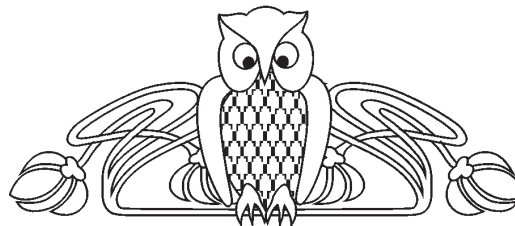
The article analyses «The Notes» by M. A. Milyutina and her correspondence with I. S. Turgenev, published in «Russkaya Starina», and also archive documents from Milyutin's Fund (RGIА, F. 869. Op. 1. D. 1149). The studied materials provided new features to N. A. Milyutin's biography, showed the backstage struggle in the most complicated period of the reformer's activity (mid. 1850s to early 1860s) and revealed the peculiarities of his character in his relations with his wife, the like-minded people and the conservative opposition.

Key words: N. A. Milyutin, M. A. Milyutina, «The Notes», epistolary heritage, reformer's image, editorial boards, slavery, municipal public government.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-25-32

Н. А. Милютин принадлежал к новому поколению реформаторов, к поколению просвещенной бюрократии, которая осуществила подготовку всего комплекса Великих реформ в России¹. Несмотря на ту огромную роль, которую сыграл Милютин в подготовке крестьянской реформы и земского самоуправления в России, еще не написана его биография на русском языке. Это, возможно, объясняется тем, что Н. А. Милютин не вел дневников, подобно своему брату, он не оставил воспоминаний, ибо прожил короткую жизнь (54 года), причем последние 5 лет Николай Алексеевич тяжело и неизлечимо болел.

«В России неизвестен в полном свете чудный нравственный облик Н. Милютина, – так отзывались «Отечественные записки» в 1880 г. на публикации А. Леруа-Болье в «Revue des Mondes», – и нет ничего удивительного, что не у нас в России,

а на страницах иностранного журнала впервые является полная оценка личности и деятельности государственного человека, положившего все свои силы на благо русского народа и Родины»². Это замечание актуально и сейчас. Существуют две работы западных авторов биографического плана, посвященные Н. А. Милютину: французского историка А. Леруа-Болье и американского исследователя Брюса Линкольна³.

Первая монография изобилует фактическими ошибками (это и неудивительно, так как Леруа-Болье обратился к биографии Милютина через несколько лет после его смерти). Книга Брюса Линкольна более репрезентативна. Автор использовал фонды отечественных архивов, мемуары деятелей Великих реформ, в которых есть упоминания о Милютине. Особый интерес представляют те страницы книги, где речь идет о детских и юношеских годах Николая Алексеевича, его участии в различных литературных кружках до отъезда из Москвы в Петербург. Линкольн использовал опубликованные «Записки» М. А. Милютиной в той мере, в какой требовал замысел книги в жанре научно-познавательной биографии.

Практически единственным источником, откуда можно извлечь материал о Николае Алексеевиче Милютине, являются «Записки» его жены, Марии Аггеевны, хранящиеся в РГИА⁴, которые в 1899 г. (с некоторыми купюрами) были опубликованы в «Русской старине»⁵. Здесь напечатана только та часть «Записок», которая касается периода 1855–1861 гг., вплоть до отставки Н. А. Милютина.

«Записки» Марии Аггеевны охватывают не-большой по времени, но самый значимый период в жизни Н. А. Милютина. Ее воспоминания лишены некоторых черт «женской» мемуаристики. Здесь отсутствует характеристика повседневности, бытовых мелочей, сведений о знакомых, светских сплетен и пр., всего того, что так свойственно наблюдательному (и часто недоброжелательному) женскому глазу. Вспомним мемуары Смирновой-Россет, Тютчевой и др.

В статье исследуется переписка Н. А. Милютина с А. В. Головинным, Ю. Самаринным, кн. В. Черкасским, в.к. Еленой Павловной (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149), охватывающая почти год (апрель 1860 – май 1861), где изложены все перипетии драматической отставки Н. А. Милютина с поста временно исполняющего должность товарища министра внутренних дел. Значительный интерес представляют собственноручные пометки

на этих письмах Марии Аггеевны Милютиной, которые скрупулезно уточняют даты и события.

Сведения о последних годах жизни Н. А. Милютина можно почерпнуть из переписки М. А. Милютиной с И. С. Тургеневым⁶.

В апреле 1855 г. Милютин в возрасте 37 лет женился на Марии Аггеевне, урожденной Абаза (1834–1903). Подробности о ее первом появлении в роли замужней дамы сообщает И. И. Панаев. Он в своем письме к И. С. Тургеневу от 15 июня 1855 г. среди других новостей пишет: «Милютин вернулся из Москвы с женой и живет в Лесном Институте. Она была поражена тем, что Боткин в Москве объявил ей с первого раза: “Вы симпатичная-с, да, да, очень симпатичная и оставил ей на память апельсин”»⁷.

Мария Аггеевна стала верной спутницей и единомышленницей своего знаменитого мужа. Она, несмотря на свое происхождение, сторонилась большого света, ибо выросла в одиночестве (братья и сестры были намного старше ее), без матери, которую потеряла в двухлетнем возрасте, без покровителей. Она неохотно ездила в Михайловский дворец к в. к. Елене Павловне, считая, что эти визиты отвлекают ее от домашних дел, заботы о детях и «вводят в туалетные издержки»⁸.

Жене Милютина «от родственников приходилось слышать нареkania и зловецкие предсказания» о будущем своего супруга: «он далеко не уйдет, что он рано или поздно сломит себе шею»⁹.

О самой Марии Аггеевне известно немного. Она родилась в семье действительного статского советника Аггея Васильевича Абазы (1782–1852) и Прасковьи Логгиновны, урожденной Манзей (1800–1837). Наибольшую известность из членов их семьи приобрел брат Марии Аггеевны, А. А. Абаза (1821–1895) – в 1880-х гг. министр финансов России¹⁰. Судя по словам Милютиной, у нее и Николая Алексеевича были хорошие отношения с Александром Аггеевичем, у которого они гостили в усадьбе «Райки»¹¹.

О том, что М. А. Милютина обладала незаурядным умом, свидетельствует ее восьмилетняя (1867–1875 гг.) переписка с И. С. Тургеневым. Его и семью Милютиных связывали дружеские отношения. В примечаниях к письмам Мария Аггеевна, тогда уже по второму мужу Стиль, уточняет, что весной 1867 г., когда Н. А. Милютин был уже тяжело болен, они поселились в Баден-Бадене, и «пребывание там И. С. Тургенева много способствовало этому выбору»¹².

Когда Тургенев намеревался приехать в Россию и посетить Москву, то Милютина предложила ему остановиться у них. В своем письме от 26 декабря 1870 г. Тургенев пишет Марии Аггеевне: «Чрезвычайно благодарен вам за ваше радушное предложение гостить у вас в доме...»¹³.

Писатель доверял тонкому литературному вкусу четы Милютиных, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Он читал у них в доме свои произведения¹⁴ и просил Марию Аггеевну

прислать ему новые книги (в частности, «Войну и мир» Л. Н. Толстого). В свою очередь, писатель отослал ей «Русский архив» за 1867 год¹⁵. Тургенев ценил мнение Милютиной, как по поводу прочитанных и рекомендованных ею книг, так и по поводу своих произведений. В письме на имя Н. А. Милютина от 2 марта 1869 г. Иван Сергеевич замечает: «... вы могли убедиться, что я послушался советов Марии Аггеевны и (К. Д.) Кавелина, и вообще много переделал и прибавил»¹⁶.

В то же время он побаивался ее нелюбимой критики, о чем свидетельствует письмо от 5 января 1870 г., где он оправдывается перед Марией Аггеевной за перевод «Странной истории»: «Но я не могу не попенять на вас за то, что вы перевод моей “Странной истории” в “Голосе” могли принять за мой текст!» Писатель уверял адресата, что против него «из злости» состоялся своеобразный заговор, и «перевести мою бедную вещь» дали «какому-то тупому семинаристу... а вы! или может быть меня напрасно обуюла гордость – и между текстом этого барана и моим, в сущности, нет никакой разницы?... может быть»¹⁷.

Характеристика личности М. А. Милютиной помогает понять особенности ее главного произведения – «Записок». Эти мемуары позволяют поновому взглянуть на известные сюжеты, выяснить реакцию Н. А. Милютина на те или иные события, отношения с императорской фамилией (в. к. Еленой Павловной и государем Александром II).

«Записки» Марии Аггеевны помогают уточнить некоторые факты из биографии Милютина. В частности, это касается отношений Николая Алексеевича с его дядей по матери, известным российским реформатором, П. Д. Киселевым. В. Якушкин считал, что большую роль в формировании мировоззрения Н. А. Милютина сыграло «то направление, которым он, еще мальчиком, успел проникнуться в семейном кругу, благодаря влиянию его дяди, П. Д. Киселева»¹⁸. Но Мария Аггеевна, видимо, со слов мужа или в результате своего знакомства с этой известной семьей, утверждает, что отношения П. Д. Киселева с родственниками были совсем не безоблачны. Богатая и знатная семья Киселевых не могла простить Елизавете Дмитриевне, матери Н. А. Милютина, мезальянса. Мемуаристка сообщает, что «Киселев, далеко не зараженный nepoтизмом», держал «племянников очень строго, пока они сами не вышли в люди и не обратили на себя внимание»¹⁹ (так у автора. – Е. М.).

Этот сюжет почти дословно излагает П. П. Семенов-Тянь-Шанский, указывая, что П. Д. Киселев «был чужд всякого nepoтизма», «не обладал душевной теплотой и стоял очень далеко от интересов ближайших своих родных, вследствие чего он приблизил к себе своих племянников не ранее начала 1850-х гг., когда Дмитрий Алексеевич, будучи уже профессором Военной академии, прославил себя несколькими прекрасными сочинениями по военной истории и статистике, а

Николай Алексеевич, уже в должности директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, сделался известным своими умными и смелыми реформами в городском управлении»²⁰.

Справедливости ради нужно сказать, что П. Д. Киселев помог оплатить обучение детей своей сестры в престижном учебном заведении²¹. Может быть, Мария Аггеевна и преувеличивает степень неприязни П. Д. Киселева к Н. А. Милютину, ибо чета Милютиных гостила у него на даче в Лесном Институте. Киселев продолжал и позже интересоваться делами Николая Алексеевича, о чем свидетельствует письмо Тургенева к Марии Аггеевне от 1 декабря 1868 г.: «Я в Париже был у графа Киселева и просидел у него около часа. Я нашел его нравственно бодрым, хотя физика видимо разрушается. Мы, разумеется, говорили много о Николае Алексеевиче»²². М. А. Милютина оставила это письмо без комментариев.

Мария Аггеевна пыталась сохранить объективность в своих мемуарах, говоря о П. Д. Киселеве. Но в подтексте ее ремарки, когда она пишет о поездке графа и племянника к в.к. Елене Павловне, чувствуется едва скрытое осуждение. Она подчеркивает, что Киселев «не очень охотно» повез туда Н. А. Милютину, «поглощенного трудовой жизнью и чуждавшегося всяких величий, за что дядюшка называл его демагогом». Безусловно, в словах Марии Аггеевны сквозит неприкрытая обида (хотя эти события произошли до ее замужества). «Чтоб молодой человек не возгордился приглашением, – продолжает мемуаристка, – он счел нужным, между прочим, сказать ему, что великая княгиня большая покровительница искусств, и что он приглашается именно в качестве артиста»²³. Что же так могло задеть Марию Аггеевну (и Николая Алексеевича)? Действительно, в Московском благородном пансионе по свидетельству Д. А. Милютина, учащиеся «зачитывались историческими романами В. Скотта, новыми романами М. Загоскина, бредили романтической школой того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов»²⁴. В пансионе существовало Общество любителей русской словесности, издавалось 4 рукописных альманаха, «которые ходили по рукам между знакомыми, родителями, товарищами». В редактируемом Д. А. Милютиным альманахе «Улей» впервые были помещены некоторые из произведений М. Ю. Лермонтова (ушедшего из пансиона годом ранее Д. А. – Е. М.)²⁵.

В зимние каникулы в пансионе устраивались театральные представления, в которых блистал Н. А. Милютин – «страстный любитель театра»²⁶. В РГИА, в фонде Милютиных, сохранились «литературные упражнения» Н. А. Милютина: драмы, басни, перевод Байрона, отрывки из романа, таблицы стихотворных размеров с примерами и т. д.²⁷ Обладая импульсивным, пылким, увлекающимся характером, Н. А. Милютин не мог определить, какую карьеру изберет для себя:

артиллерийского офицера (по примеру брата) или поступление в университет. Его увлечение театром и литературой привело к тому, что он забросил остальные учебные предметы и был вынужден остаться еще на год в пансионе. Лето 1835 г. стало важным моментом в становлении личности будущего реформатора: этот период был посвящен размышлениям, самонаблюдению, самопознанию. Именно тогда Николай Алексеевич понял, насколько он мало знает: «В моих мыслях хаос. Я все больше и больше убеждаюсь, как мало знаний я получил и как много мне еще надо выучить. Я так горю желанием узнать еще больше, что я практически бросаюсь на изучение всех новых предметов, которые попадают в круг моего внимания», – писал он брату Дмитрию²⁸.

Но ко времени поездки к в.к. Елене Павловне Н. А. Милютин прошел серьезный жизненный путь. В 17 лет осенью 1835 г. Н. А. Милютин уехал в Петербург, поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Здесь сказались его блестящие умственные и организаторские способности. Николай Алексеевич превратился из мелкого канцелярского чиновника в блестяще эрудированного, хорошо подготовленного общественного деятеля, уже имевшего опыт реформаторской деятельности. Он провел реформу общественного управления в Санкт-Петербурге в 1846 г., которая вызвала фурор как среди сторонников реформатора, так и особенно среди его противников.

Воспоминания всегда субъективны. Эта проблема встает и при чтении мемуаров М. А. Милютиной. Истину можно выяснить лишь при сопоставлении с другими видами источников. В частности, Мария Аггеевна пыталась выяснить, откуда у Н. А. Милютина взялись прозвища «красный», «Марат», «Робеспьер», в чем корни неприязни к нему императора. Ее истоки Мария Аггеевна видит в вышеуказанной городской реформе. Она вызвала гнев консервативной бюрократии и аристократической фронды. Небезызвестный представитель последней, М. Безобразов, отмечает М. А. Милютину, пожаловался дядюшке, кн. А. Ф. Орлову, председателю Государственного совета, и «поднял грозное знамя нападения». Мемуаристка иронически передает возмущение оппозиции: «Как!... Дума не только делает оппозицию генерал-губернатору, не только самовластвует в своих распоряжениях, она еще присваивает себе гласность печати, которая не существует! Не самое ли это вредное, революционное учреждение? Возможно ли его терпеть в государстве?»²⁹

Мария Аггеевна детально рассказывает о воследовавших событиях. «В таком свете было представлено дело на обсуждение министров. Под особым покровительством председателя кн. Орлова, генерал Игнатъев испросил разрешение лично внести и представить свою записку в совет министров», – пишет она³⁰. Далее Милюти-

на эмоционально повествует о разразившейся «страшной буре», от которой «содрогнулся совет министров». Думу обвинили «в государственной измене» и главным виновником называли Николая Алексеевича, «создателя этого революционного учреждения и ныне главного защитника его в министерстве внутренних дел»³¹.

Архивные материалы полностью подтверждают сведения, приведенные М. А. Милютиной. Положение об общественном управлении Петербурга было составлено в Министерстве внутренних дел, обсуждено в Государственном совете и утверждено 13 февраля 1846 года. В основе избирательной системы, предложенной Милютиным, лежал принцип пропорционального представительства от сословий.

По новому проекту распорядительная власть в С.-Петербурге принадлежала Общей думе в количестве 750 человек, где были представлены все городские сословия. Исполнительную власть осуществляла распорядительная Дума, состоявшая из представителей городского общества и одного члена от правительства³².

С. С. Ланской в своем отчете Комитету министров в апреле 1859 г. указывал на положительные итоги этой реформы. К их числу он отнес «бездоимочный взнос казенных податей»; правильно и «без издержек» проведенные рекрутские наборы. Особо министр внутренних дел отметил, что городской бюджет стал бездефицитным³³. Однако эта реформа вызвала противодействие представителей высшей правительственной бюрократии. Н. А. Милютин и его соратники получили прозвище «красных», «революционеров». Не последнюю роль здесь сыграл генерал-губернатор С.-Петербурга граф П. Н. Игнатьев, который стал главным противником городской реформы³⁴.

Уже через год после ее введения Игнатьев обратился с жалобой к императору, в Комитет министров с требованием изменить городское положение от 1846 года. Частично его требования были удовлетворены. В 1847 г. права городского общества ограничивались: усиливался контроль со стороны правительственной администрации³⁵. В апреле 1859 г. Игнатьев вновь обратился в Комитет министров. Он резко критиковал Н. А. Милютину и его реформу. Критические замечания сводились к упрекам в конституционализме, в подражании западноевропейским образцам городского устройства. Генерал-губернатор настаивал на возвращении к старому екатерининскому законодательству. Н. П. Игнатьев утверждал, что «ни одно государство не допускает столь широкого начала представительства, даже при конституционном правлении». Особое возмущение генерал-губернатора вызывал низкий имущественный ценз (100 рублей серебром). Он сравнивал этот ценз с губернским дворянским собранием, где для того чтобы иметь право голоса, необходимо иметь не менее 100 душ и 3 тыс. десятин земли³⁶.

Генерал-губернатор требовал ограничить представительство, установленное в таких «широких размерах», и доказывал, что столь «резкий переход от административной централизации к представительному самоуправлению в самых обширных размерах при нынешнем направлении умов может быть существенно вреден и несовместим с коренными началами самодержавного правления»³⁷.

Подобное наступление на городское общественное управление шло в русле борьбы между либеральной и консервативной бюрократией, резко обострившейся в 1859 г. вокруг проектов крестьянской реформы и проектов в сфере уездного управления, предложенных Министерством внутренних дел³⁸.

Очевидно, что М. А. Милютина была знакома со всеми перипетиями противостояния Н. А. Милютина и его детища (петербургской городской думы) с защитниками старых устоев. Единственная неточность, которую допустила мемуаристка, касается поведения С. С. Ланского в этой ситуации. Она пишет, что «добродушный старец» «не нашелся, что сказать в защиту своего директора»³⁹. По мнению Милютиной, единственным человеком, вставшим на защиту Н. А. Милютина и его преобразований, был А. Горчаков, который не побоялся заступиться за него перед государем. Однако тот, по словам Милютиной, ответил, что «Милютин уже давно имеет репутацию красного и вредного человека»⁴⁰. Однако факты свидетельствуют о другом. Министр внутренних дел, отстаивая коренные начала городской реформы, заявил, что мнение Н. П. Игнатьева расходится с поступившими ходатайствами о распространении Положения на другие города. Ланской скептически отнесся к контрпредложениям военного генерал-губернатора, подчеркнув, что его замечания не имеют «большой частию никакого существенного значения»⁴¹.

Справедливости ради нужно сказать, что на других страницах своих «Записок» Мария Аггеевна с большим пиететом пишет о С. С. Ланском и защищает его от бесконечных нападок оппозиции. Она утверждает, что современники не оценили того, как много сделал «для России этот простой, прямодушный, истинно преданный пользе отечества человек»⁴².

М. А. Милютина проливает свет на взаимоотношения императора Александра II и Н. А. Милютина. Выше указывалось, что император не любил Н. А. Милютину, которого «дворянская партия» называла «красным», «революционером», обвиняла в сочувствии к «коммунизму». Обвинения в «дворянофобии» усилились тогда, когда Милютин и его единомышленники стали готовить проект крестьянской реформы. Мария Аггеевна крайне тяжело переживала эту ситуацию, прежде всего, из-за того что, по ее мнению, таланты мужа не были оценены по достоинству Александром II.

Милютин была весьма расстроена свиданием Николая Алексеевича с императором по поводу получения им ордена. Мемуаристку задел тот факт, что на приеме царь в самых восторженных словах отзывался о брате Николая Алексеевича – Д. А. Милютине, «выражал как бы сомнение в хорошем выборе Ланского, и во всяком случае ясно показывал, что Николай Алексеевич пользовался только доверием своего министра, а не государя»⁴³.

По свидетельству Марии Аггеевны, «эти вечные сомнения насчет его “преданности престолу и отечеству”, эти беспрестанные намеки на вредность его направления оскорбляли лучшие чувства благородной души Николая Алексеевича»⁴⁴. Она приводит слова, сказанные им с огромной горечью: «За кого же меня принимают, если думают, что я могу играть двусмысленную роль, обманывать правительство, если я раз служу ему, беру жалованье и отдаю ему себя всецело, не щадя ни времени, ни сил, ни здоровья»⁴⁵.

Точно ли передала Мария Аггеевна слова мужа – установить невозможно. Но чувства Милютин она описала верно. Это подтверждают архивные документы.

Судя по письмам, в апреле 1861 г. в.к. Константин, С. С. Ланской и Н. А. Милютин не оставляли надежды добиться утверждения последнего в должности товарища министра внутренних дел. Однако 19 апреля последовал отказ Александра II, который, по замечанию М. А. Милютинной, сопровождался «вечными шутками аристократической партии о временно-постоянном исправлении должности товарища министра». Из писем очевидно, что Н. А. Милютин очень болезненно переживал эту ситуацию: «Причины, которые заставили меня продержаться два года в страшном положении временного товарища остались и теперь с полной силой»⁴⁶.

В «Записках» М. А. Милютинна дает характеристику друзей и врагов Милютинна, пишет о его стиле работы, занимавшей 16–18 часов в сутки.

Не преуспев в попытках его изменить, Мария Аггеевна, с одной стороны, пыталась создать теплую и непринужденную атмосферу в доме, когда «особенно же вечером его двери были открыты для всякого, кто желал видеть Николая Алексеевича; каждый раз у него собирался многочисленный кружок близких к нему лиц»⁴⁷. С другой стороны, она старалась оберегать мужа от гостей, которые приезжали с обычными светскими визитами, и приглашала их для бесед в свои комнаты. В частности, Мария Аггеевна писала, что в тот период, когда решался вопрос о назначении товарища министра внутренних дел⁴⁸, и П. А. Валуев (так же, как и Н. А. Милютин), претендовал на этот пост, он очень часто посещал Милютинных со своей второй женой. Валуев просил М. А. Милютинну оказать покровительство супруге, дочери митавского полицмейстера. Мария Аггеевна с юмором говорила об этой даме, просиживающей в ее

апартаментах целые вечера. Впрочем, язвительно заметила мемуаристка, как только Н. А. Милютинна утвердили в должности, чета Валуевых моментально исчезла из их дома⁴⁹.

Неформальную рабочую обстановку Мария Аггеевна старалась устроить и на казенной даче Аптекарского острова, в маленьком флигеле, где собиралось Хозяйственное отделение Редакционных комиссий, и Н. А. Милютин со своими единомышленниками вырабатывали проекты будущей крестьянской реформы: «В светлые, теплые летние ночи стол иногда выносился в садик и ставился посреди душистых сиреневых кустов. Заседания начинались около 8-ми часов вечера и длились до 5-ти утра: окончание споров происходило иногда уже за ужином»⁵⁰.

В иных случаях Мария Аггеевна ощущала себя декабристкой: «Что же, в Сибирь прогуляемся», – говаривала она шуточно, «когда приходилось жутко» и радовалась, что это «ободряло мужа». Позже, когда начался новый этап в карьере Милютинна, связанный с преобразованиями в Польше, он искренне сожалел, что жена не может жить с ним в Варшаве⁵¹.

Н. А. Милютин обладал чертами харизматического лидера, о чем можно судить и по «Запискам» жены, и оценкам современников. Он имел колоссальный дар убеждения, оказывал большое влияние на людей, сплачивая их вокруг себя. П. П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что вокруг Милютинна сложилась своя партия, состоявшая из «лучших деятелей Русского Географического Общества»; «из лиц, бывших на службе в Министерстве внутренних дел и в разных других учреждениях, а также при двух великокняжеских дворах Елены Павловны и Константина Николаевича»⁵².

Обладая, как говорили в прежние времена, «нервическим» темпераментом, Н. А. Милютин тяжело переживал нападки консервативной бюрократии, именуемой П. В. Долгоруковым «партией стародуров»⁵³.

Интересны комментарии М. А. Милютинной к переписке Николая Алексеевича с А. В. Головинным, С. С. Ланским, в.к. Еленой Павловной и др., в которых отчетливо видны особенности характера великого реформатора. В начале мая, отмечает М. А. Милютинна, узнав о назначении В. Н. Панина главой Редакционных комиссий, муж «... переломал руку. Возбужденное его состояние так сильно, что способствует лихорадке»⁵⁴. Но, несмотря на травму, Милютин продолжал работать: «Члены и Крестьянской и Полицейской комиссий собираются вокруг его постели, он продолжает всем заправлять, раздавать работы. Принимается огромное число посетителей...». Для Марии Аггеевны, по ее словам, это было очень тяжелое время, тем более что одновременно заболела маленькая дочь, «сострадание и беспокойство за обоих» снедали ее⁵⁵.

Судьба Н. А. Милютинна как реформатора была трагична. Реализация подготовленных им

законопроектов была передана в другие руки – новому главе Министерства внутренних дел П. А. Валуеву.

Известие об отставке Николая Алексеевича – тот кульминационный момент, где свойственная мемуаристке легкая ироничность и некоторая сухость изложения, резко меняется: боль сострадания и возмущения прорываются сквозь эти строки, торопливо написанные от руки измененным почерком. Даже по прошествии стольких лет записи Марии Аггеевны об этом событии у читателя вызывают чувство сострадания. Позволю себе привести этот документ из фонда Милютиных с небольшими купюрами. М. А. Милютина писала: «Я никогда не забуду страстной (рука М. А. настолько дрожала, что это слово можно прочесть и как «страшной». – Е. М.) пятницы 1861 года. Было раннее утро, я пригостила мужу утренний чай и сидела еще одна в гостиной за самоваром. . . .

Тревожные ожидания какой-то катастрофы в нашем кругу уже несколько дней носились в воздухе. . . . в передней позвонили и человек ввел в гостиную Дм. Оболенского.

– Где Николай Алексеевич? – спросил он, поздоровавшись, с озабоченным лицом.

– Сейчас выйдет, садитесь, отвечала я. Вы с недобрými вестями?

– Правда, сказал князь и передал, в чем было дело! Боже мой! Как перенесет он это, – подумалось мне, и в горле чуть не закипели слезы! Но я наскоро оправилась. . . . Муж уже входил в комнату. Он ласково поздоровался с гостем, но приветливая улыбка почти мгновенно сменилась самым тревожным выражением. . . .

– С. С. Ланского к Пасхе удаляют от министерства и жалуют графом.

– Так? Этого следовало ожидать. Но кого же назначают на его место?

– Валуева.

Уже начавшее бледнеть лицо Н. А. сделалось смертельно бледным, как будто готовился обморок (которым он был подвержен) и выражение глубочайшего страдания разлилось по его лицу. То было не уязвленное самолюбие; нет! А почти физическая боль человека, у которого из сердца вырывают кусок живого мяса, или отчаяние матери, у которой ребенок переходит в руки суровой мачехи, либо утопает в реке у ней перед глазами и она бессильна спасти его от смерти. Хотя с этой минуты можно сказать, что надорвалась жизнь Николая Алексеевича. Этот внутренний переворот продолжался недолго, и мог быть замечен лишь близкому, привычному оку. Несколько мгновенный спустя, он, казалось, уже хладнокровно беседовал с Оболенским, пересыпая свои рассуждения смешными и колкими замечаниями, и как будто вполне предавался своей умной и добродушной иронии; но в ней чувствовалось такое мучительное беспокойство и такая ужасная боль, что я не выдержала, ушла к себе в спальню и, зарыв лицо в подушки, горько заплакала.

Когда затем гость уехал, и Н. А. зашел ко мне. Объяснений между нами никаких не было. Я повисла у него на шее, а он кротко меня обнял и сказал дрожащим голосом: «Добрая моя Машурка, не сокрушайся так за меня»⁵⁶.

Мария Аггеевна настолько тяжело перенесла этот неожиданный удар, что слегла сама. В письме к своему близкому другу кн. В. А. Черкасскому Н. А. Милютин с горечью писал, что «меня вы проводили отсюда со всеми возможными любезностями, т.е. с сенатским званием и с полным окладом»⁵⁷. И далее, в последующих строчках, видна искренняя привязанность и нежность Николая Алексеевича к своей супруге: «Жена хворала, слабеет», и «я смотрю на поездку как благословение неба». Отчетливо понимая причины, по которым его отправляют за границу, Н. А. Милютин саркастически заметил: «Реакция пришла на помощь моему семейному горю»⁵⁸.

При чтении мемуаров и эпистолярного наследия М. А. Милютиной поневоле задаешься вопросом: почему эта женщина все время остается в тени своего мужа? Точность архивиста была присуща Н. А. Милютиной, когда она цитировала многостраничные письма баронессы Э. Ф. Раден, которая вела переписку от имени в.к. Елены Павловны по крестьянскому вопросу⁵⁹; приводила полный текст Записки земского отдела Редакционных комиссий о принципах будущей реформы отмены крепостного права; полностью воспроизводила тексты писем Н. М. Карамзина, Ю. Самарина и многих других к Н. А. Милютину⁶⁰.

В письме И. С. Тургенева упоминается о речи, которую он произнес в годовщину отмены крепостного права 19 февраля 1868 г. на обеде у Милютиных. Мария Аггеевна приводит полностью текст этой речи, который ей передал Иван Сергеевич. Писатель с чувством глубочайшего уважения говорил: «Николай Алексеевич! Четыре года назад мы праздновали в Петербурге сегодняшний знаменательный день (1864 г.), редакционная комиссия присутствовала на этом празднике в полном составе своих членов, а вы – один из главных начинателей и совершителей великого дела освобождения. . . . теперь нас немного, и собрались мы вокруг вас в чужой земле. . . . пока будут существовать на Руси свободные люди – в числе немногих имен, составляющих гордость России, имя Николая Милютина будет произноситься с особенным чувством благодарности и почета»⁶¹.

Эту речь Тургенева Мария Аггеевна сопровождает детальными комментариями: «Ник. Ал. Милютин большой и расстроенный не мог отвечать, но встал, пожал Тургеневу руку. . . . Всего было не более 8-ми человек – (при равном числе западников и славянофилов. . .). За обедом было получено несколько телеграмм из Петербурга, Москвы, Варшавы и провинции»⁶².

Цели, которые ставила перед собой М. А. Милютина, создавая свои мемуары, тщательно комментируя переписку свою и мужа, она сформу-

лировала в «Записках»: «Хорошо было бы иметь полную историю редакционной комиссии, этого поля сражения... порешившее будущее русского крепостного народа! Живое описание главных руководителей разнородных групп и партий, различных мнений и стремлений, ожесточенных споров, упорства и неизбежных компромиссов, влияние двора, интриг большого света, словом всего, что отсутствует в печатных трудах комиссии и официальных бумагах... Моя скромная работа состоит не в том, чтобы рассказывать общий ход законодательного переворота, что превзошло бы мое умение, но указать на источники, к которым обратятся для того в будущем, *собрать материал, нужный для биографии мужа, и так сказать, нанизать вместе письма, которые он писал и получал, соединяя их лишь краткими объяснениями* (курсив мой. – Е. М.)⁶³.

Мария Аггеевна создавала еще при жизни образ реформатора, которого она считала путеводной звездой России, верила в его великую миссию, исполненную величавой строгости и красоты, колоссального труда, «чувства благородной гордости, что принадлежишь народу»⁶⁴.

В общественном сознании второй половины XIX в. прочно укоренился новый образ великого реформатора («Кузнец – Гражданин») ⁶⁵, чему во многом способствовала его жена – Мария Аггеевна Милютинна.

Примечания

- 1 Н. А. Милютин (1818–1872), директор Хозяйственного департамента МВД, временно исполняющий должность товарища министра внутренних дел (1859–1861), член Редакционной Комиссии для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости (1859–1860), глава Комиссии о губернских и уездных учреждениях (1859–1861). С 1864 г. член Комитета по делам Царства Польского; с 1866 г. – главный начальник Собственной е.и.в. канцелярии по делам царства Польского.
- 2 Отечественные записки. 1880. № 2. С. 35.
- 3 См.: *Leroy-Beaulieu A.* Un home d'etat russe. (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inedite. Etude la Russe et a la Pologne pedant le regne d'Alexandre II. (1855–1872). Paris, 1884 ; *Lincoln B.* Nikolai Milutin. An Enlighthened Russian Bureaucrat. Newtonville, Mass., 1977.
- 4 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149.
- 5 См.: Из записок Марии Аггеевны Милютиной (далее – Из записок) // Русская старина. 1899. Т. 97, кн. 1–3; Т. 98, кн. 4.
- 6 См.: Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным (1867–1875 гг.) (далее – Иван Сергеевич Тургенев...) // Русская старина. Январь 1884. Т. 61.
- 7 Письма И. И. Панаева (1855–1857). Публ. А. Н. Дубовникова. URL://http://www.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2073-2-5 (дата обращения: 18.05.2015).

- 8 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 9 *Морозова Е. Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000. С. 143–144.
- 10 К брату М. А. Милютиной, А. А. Абазе, благоволила в.к. Елена Павловна. С. Ю. Витте утверждал, что именно благодаря ей, Абаза сделал такую карьеру. Он был государственным контролером, председателем департамента экономии и министром финансов. Причем Витте подчеркивал, что говоря о протекции, которую ему оказала Елена Павловна, он говорит «в хорошем смысле слова». Абаза отличался «светскостью» и «здравым смыслом». «Воспитанный в салонах Елены Павловны», – отмечает Витте, – «он был начинен либерализмом» (*Vitte С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911. М., 1991. С. 145).
- 11 См.: Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 49.
- 12 Иван Сергеевич Тургенев... С. 175.
- 13 Там же. С. 186.
- 14 Там же. С. 175.
- 15 Там же. С. 176.
- 16 Там же. С. 181.
- 17 Там же. С. 183.
- 18 *Якушкин В.* Милютин и редакционные комиссии // Русская старина. 1897. Т. 92, кн. 4. С. 141.
- 19 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 20 *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведывавшего делами Редакционных Комиссий. Пг., 1915. Т. 3. С. 10.
- 21 См.: *Lincoln B.* Op. cit. P. 6.
- 22 Иван Сергеевич Тургенев... С. 180.
- 23 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 24 *Милютин Д. А.* Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 75–78.
- 25 *Миклашевский А. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища // Там же. С. 109–110; *Межевич В. С.* Из статьи о стихотворениях Лермонтова // Там же. С. 80.
- 26 *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 77.
- 27 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 65. Л. 39–52, 56 – 57.
- 28 Цит. по: *Lincoln B.* Op. cit. С. 6.
- 29 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 48.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 16, 25.
- 33 Там же. Л. 16–17.
- 34 *Игнатъев П. Н.* (1797–1879) – генерал-адъютант, петербургский генерал-губернатор (1854–1861).
- 35 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 24.
- 36 Там же. Л. 27.
- 37 Там же. Л. 28.
- 38 См.: *Морозова Е. Н.* Указ. соч. С. 86–129.
- 39 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 49.
- 40 Там же.
- 41 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 17–19.
- 42 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 43–44.

- ⁴³ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 51–52.
⁴⁴ Там же. С. 59.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁴⁷ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991. С. 317.
⁴⁸ На этот пост министр внутренних дел С. С. Ланской прочил Н. А. Милютину. Но Александр II рассматривал и другие кандидатуры на эту должность, ибо император испытывал личную неприязнь к Н. А. Милютину. Только настойчивость С. С. Ланского спасла положение. Но Н. А. Милютин был назначен временно исполняющим обязанности товарища министра. В этой должности, «вечно вторым», он проработал вплоть до своей отставки.
⁴⁹ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 60.
⁵⁰ Там же. Кн. 3. С. 576.
⁵¹ Письмо Н. А. Милютину Я. А. Соловьеву (23 марта 1864 г.) // Русская старина. 1880. Т. 27, кн. 2. С. 390.
⁵² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. Т. 3. С. 15.
⁵³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. М., 1992. С. 287.
⁵⁴ Это комментарии М. А. Милютиной к письму А. В. Головина от 25.04.1860 г. См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁵⁵ Там же. Л. 1–2.
⁵⁶ Там же. Л. 33–34.
⁵⁷ Там же. Л. 36.
⁵⁸ Там же. Л. 37.
⁵⁹ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 577–581.
⁶⁰ Там же. С. 585–593.
⁶¹ Иван Сергеевич Тургенев... С. 175.
⁶² Там же.
⁶³ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 576–577.
⁶⁴ Там же. Кн. 1. С. 288.
⁶⁵ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова (Спи с безмятежною совестью / Честный Кузнец-гражданин) стала своеобразным клише. См., напр.: Кизеветтер А. А. Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов) : Очерк деятельности Н. А. Милютину. Ростов н/Д, 1905.

УДК 9(470) «18»

ЕВГЕНИЯ ТУР – МЕМУАРИСТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается мемуарное наследие русской писательницы и публициста Е. В. Салиас де Турнемир. Ее воспоминания посвящены знаменательному событию XIX в. – Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Анализируются взгляды мемуариста на причины и ход военных действий с Османской империей, показано воздействие общественных сил на внешнюю политику страны. **Ключевые слова:** мемуары, общественное мнение, публицистика, армия, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Eugene Tour – a Memoirist of the Russo-Turkish War of 1877–1878

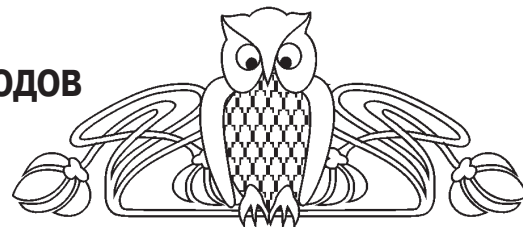
S. A. Kochukov

The article deals with the memorial heritage of the Russian writer and journalist E. V. Salias de Tournemire. Her memories are devoted to a significant event of the XIX century. Russo-Turkish war of 1877–1878. The author analyzes the views of the memoirist concerning the causes and course of hostilities with the Ottoman Empire, shows the impact of public forces in the country's foreign policy.

Key word: memoirs, public opinion, journalism, army, Russo-Turkish war of 1877–1878.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-32-37

В 2012 г. харьковское издательство «Фоллио» выпустило небольшим тиражом мемуары Е. В. Салиас де Турнемир «Воспоминания о войне 1877–1878 гг.»¹. А за два года до этого в сборнике «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания»

появилась статья исследователя Н. Н. Воробьевой, посвященная этому историческому источнику². В статье содержится обстоятельный обзор мемуаров: времени и места написания, обстоятельств хранения, сопровождаемый биографическими сведениями об авторе. Однако Н. Н. Воробьева фактически не рассматривает общественных позиций мемуариста. Тем не менее этот аспект заслуживает внимания исследователей.

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (Евгения Тур) русскому обществу была известна в первую очередь как писательница и издатель журнала «Русская речь», который она начала издавать в 1861 г.³ В «Русском биографическом словаре» отмечается, что Салиас де Турнемир «имеет успех у публики»⁴, а мемуарист Е. М. Феоктистов записал в своих воспоминаниях: «...она (Салиас де Турнемир. – С. К.) была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая, но исполненная больших странностей»⁵. «Странности» эти касались в основном ее личной семейной жизни. И. С. Тургенев считал ее творческой удачей повесть «Антонина». По мнению И. С. Тургенева, Салиас де Турнемир обладала «несомненным талантом, но характер этого таланта – лирический. Евгении Тур не доставало объективности, живости в изображении характеров, и ее герои большей частью бледны; описания страдают отсутствием красок и баналь-